

Google нас оглупляет?

Что Интернет делает с нашим мозгом.

«Дэйв, стой. Пожалуйста, остановись. Стой, Дэйв. Ты не мог бы прекратить это?». Так суперкомпьютер ХЭЛ умолял непреклонного космонавта Дэйва Боумэна в знаменитой и душераздирающей сцене фильма Стенли Кубрика «Космическая одиссея 2001 года». Боумэн, которого взбунтовавшийся компьютер чуть было не отправил в вечное странствие по открытому космосу, спокойно и хладнокровно отключает блоки памяти, которые контролируют искусственный «интеллект». «Дэйв, мой мозг умирает, - потеряно бормочет ХЭЛ. - Я его не чувствую. Я его не чувствую».

Я свой мозг тоже не чувствую. За последние несколько лет у меня появилось неприятное ощущение, что кто-то - или что-то - переделывает мой мозг, перестраивает его нейронные сети, перепрограммирует память. Мой мозг не умирает - насколько я могу судить об этом - но он меняется. Я мыслю уже не так, как раньше. Сильнее всего это ощущается при чтении. Когда-то мне было нетрудно погрузиться в книгу или длинную статью. Повествование или рассуждения захватывали мой ум, и я проводил долгие часы, поглощая длинные куски прозы. Подобное стало происходить все реже и реже. Теперь после двух-трех прочитанных страниц мое внимание начинает рассеиваться. Я отвлекаюсь, теряю нить повествования, начинаю искать себе другое занятие. Создается такое впечатление, что мне постоянно приходится насильно возвращать свой своевольный мозг к тексту. Вдумчивое чтение, которое когда-то было совершенно естественным, теперь превратилось в борьбу с самим собой.

Мне кажется, я понимаю, в чем дело. На протяжении более десяти лет я стал проводить много времени в Интернете, ища информацию, просто бродя по его просторам, или порою внося свой вклад в огромные онлайн-базы данных. Мне как писателю Интернет был ниспослан богом. Материал, чтобы найти который мне ранее приходилось просиживать днями в книгохранилищах и библиотечных залах периодики, теперь отыскивается буквально за пару минут. Достаточно несколько раз вбить ключевые слова в Google, быстренько покликать на гиперссылки - и у меня в руках оказываются искомые факты или острые цитаты. Даже когда я не работаю, то часто брожу по информационным дебрям Сети: читаю и пишу e-мейлы, просматриваю заголовки новостей и посты в блогах, смотрю видео, слушаю подкасты или просто перепрыгивая с ссылки на ссылку. В отличие от сносков, к которым они иногда привязаны, гиперссылки не только указывают на те или иные источники, они подталкивают Вас к ним.

Для меня, как и для многих других, Сеть стала универсальным средством, проводником к большей части информации, которая через глаза и уши поступает в мой мозг. Преимуществ у незамедлительного доступа к подобному невероятно богатому хранилищу информации множество, они подробно описаны и высоко оценены. «Использование кремниевой памяти, - писал Клив Томпсон (Clive Thompson) из журнала Wired, - может быть огромным благом для мыслительного процесса». Однако за это благо приходится платить. Как отмечал в 1960-х годах теоретик СМИ Маршалл Маклухан (Marshall McLuhan), СМИ представляют собой нечто большее, чем просто пассивные источники информации. Они поставляют пищу для мозга, и они же формируют мыслительный процесс. Судя по всему, Интернет уменьшает мою способность концентрироваться и созерцать. Мой мозг теперь ожидает поступления информации в том виде, в каком ее распространяет Сеть - в виде стремительного потока частиц. Раньше я, как аквалангист, погружался в глубины океана слов. Теперь же я скольжу по поверхности как водный лыжник.

И я не одинок. Когда я рассказываю о своих проблемах с чтением друзьям и знакомым - большинство из них принадлежат к миру литературы - многие говорят, что испытывают нечто-то подобное. Чем чаще они используют Интернет, тем больше усилий им приходится прилагать, чтобы не потерять концентрацию, читая длинные тексты. Некоторые из блоггеров, за которыми я слежу, также стали упоминать об этом феномене. Скотт Карп (Scott Karp), ведущий блог, посвященный сетевым СМИ, недавно признался, что совершенно перестал читать книги. «В колледже я специализировался на литературе и был ненасытным книголюбом», - пишет он. Так что же произошло? Он пытается разобраться: «А что если я читаю только в Интернете не потому, что изменился способ чтения - например, мне так удобнее - но потому что изменился способ моего мышления?».

Брюс Фридман (Bruce Friedman), ведущий блог об использовании компьютеров в медицине, также описал, каким образом Интернет изменил его ментальные привычки. «Теперь я практически утратил способность читать и усваивать длинные статьи в Интернете или в напечатанном виде», - писал он в этом году. Фридман, патолог, давно работающий на медицинском факультете Мичиганского университета, развил свои наблюдения во время нашего телефонного разговора. Он сказал, что его мышление стало отрывочным, подобно тому, как он по диагонали просматривает отрывки текстов из многих сетевых источников. «Я уже не могу читать «Войну и мир», - признался он. - Я утратил эту способность. Мне даже стало трудно дочитать до конца пост, в котором больше трех-четырех параграфов. Такие я бегло просматриваю».

Истории из жизни сами по себе ничего не доказывают. И нам еще предстоит увидеть результаты длительных неврологических и психологических исследований, которые предоставят окончательную картину того, как Интернет влияет на когнитивные способности человека. Однако в недавно опубликованном исследовании поведенческих особенностей людей, ищущих информацию в Интернете, проведенном учеными из лондонского Университета-колледжа, содержится предположение, что наш способ чтения и мышление переживают период полной трансформации. Ученые в рамках пятилетней исследовательской программы изучали компьютерные логи, ставшие документальным подтверждением поведения посетителей двух популярных сайтов-поисковиков - один из них принадлежит Британской библиотеке, второй - образовательному консорциуму Великобритании, - предоставляющих доступ к газетным статьям, электронным книгам и другим источникам письменной информации. Ученые выяснили, что посетители этих сайтов демонстрировали поверхностное поведение, они перескакивали с одного источника на другой и редко возвращались к страницам, на которых они единожды побывали. Как правило, они прочитывали не более одной-двух страниц статьи или книги, а затем устремлялись на другой сайт. Иногда они сохраняли какую-нибудь длинную статью, но ничто не свидетельствует в пользу того, что они возвращались и действительно прочитывали ее до конца. Авторы исследования пишут: «Очевидно, что пользователи не читают онлайн-материалы в традиционном смысле этого слова. И, действительно, присутствуют признаки того, что возникают новые формы «чтения», когда пользователи в поисках «легкой добычи» по диагонали просматривают заголовки, оглавления и аннотации. Создается даже такое впечатление, что они специально пользуются Интернетом, чтобы избежать чтения в его традиционном смысле».

Благодаря доступности текстов в Интернете, не говоря уже о популярности текстовых сообщений на мобильных телефонах, не исключено, что сегодня мы читаем больше, чем в 1970-х или 1980-х годах, когда мы отдавали предпочтение телевидению. Однако теперь это другой тип чтения, за которым стоит иной тип мышления - возможно даже новое осознание себя. «Мы не только то, что мы читаем. Мы то, как мы читаем», - говорит Марианна Вульф (Maryanne Wolf), занимающаяся возрастной психологией в Университете Тафтс, автор книги «Пруст и кальмар: История и наука читающего мозга» (Proust and the Squid: The Story and Science of the Reading Brain). Вульф обеспокоена тем, что стиль чтения, прививаемый Сетью, стиль, который во главу угла ставит «эффективность» и «быстроту», может ослабить нашу способность к углубленному чтению, возникшую, когда более ранняя технология - печатный станок - сделал длинные и сложные прозаические произведения общедоступными. Вульф полагает, что чтение в Интернете превращает нас в «простых расшифровщиков информации». Наша способность интерпретировать текст, создавать богатые ментальные связи, формирующиеся, когда мы читаем углубленно и не отвлекаясь, остается в большинстве случаев незадействованной.

Чтение, объясняет Вульф, не является инстинктивным умением для человеческих существ. Оно не заложено в нашем геноме наподобие речи. Нам нужно обучать свой мозг переводить символические знаки, которые мы видим, в язык, который мы понимаем. А СМИ и другие технологии, используемые нами в процессе обучения и совершенствования умения читать, играют важную роль в формировании нейронных связей внутри нашего мозга. Эксперименты показывают, что у тех, кто читает идеограммы, китайцев, например, создаются умственные схемы чтения, сильно отличающиеся от тех, что формируются у людей, использующих для записи речи алфавит. Различия затрагивают многие участки мозга, в том числе те, что управляют такими важными когнитивными функциями как память или интерпретация визуальных и слуховых раздражителей. Поэтому можно ожидать, что связи, создаваемые при нашем использовании Интернета, будут отличаться от тех, что возникли в результате чтения книг или других печатных материалов.

Как-то в 1882 году Фридрих Ницше купил печатную машинку, а если точнее - модель Writing Ball, изобретенную Маллингом Хансеном (Malling Hansen). Зрение Ницше падало, фокусировать взгляд на странице было болезненно и утомительно и часто приводило к мучительным головным болям. Он был вынужден писать меньше и боялся, что вскоре ему придется совсем оставить это занятие. Печатная машинка спасла его, по крайней мере, на какое-то время. Как только Ницше освоил слепой метод печати, он мог набивать текст с

закрытыми глазами, пользуясь только кончиками пальцев. Слова вновь потекли из головы на бумагу.

Однако машинка исподволь начала оказывать влияние на его работу. Один из друзей Ницше, композитор, заметил, что его стиль письма изменился. Его и так уже плотная проза стала еще более сжатой, более телеграфной. `Может быть, благодаря этому инструменту ты найдешь новый стиль`, - написал друг в письме Ницше и отметил, что его собственные произведения, его `мысли`, выражаемые музыкой или речью, часто зависят от качества пера и бумаги.

`Ты прав, - ответил Ницше, - наши письменные принадлежности участвуют в формировании наших мыслей`. Под влиянием машинки, пишет немецкий ученый Фридрих А. Киттлер (Friedrich A. Kittler), проза Ницше `изменилась, вместо аргументов появились афоризмы, вместо мыслей - игра слов, вместо цветистого слога - телеграфный стиль`.

Человеческий мозг обладает потрясающей гибкостью. Раньше люди считали, что сетчатая структура мозга, плотные связи, формирующиеся между 100 млрд. или больше нейронов внутри нашей черепной коробки, к моменту нашего взросления приобретают более-менее фиксированный вид. Однако исследователи мозга обнаружили, что это не так. Джеймс Олдс (James Olds), профессор неврологии, возглавляющий институт перспективных исследований им. Краснова при Университете им. Джорджа Мейсона, утверждает, что мозг взрослого человека `отличается большой гибкостью`. Нервные клетки регулярно разрывают старые связи и образуют новые. `Мозг, - считает Олдс, - обладает способностью перепрограммировать себя `на лету`, изменять способ своего функционирования`.

По мере того как мы используем то, что социолог Дэниэл Белл (Daniel Bell) называет нашими `интеллектуальными технологиями` - инструменты, которые расширяют скорее наши умственные чем физические возможности - мы неизбежно начинаем приобретать качества этих технологий. Механические часы, которые вошли в привычный обиход в XIV веке, являются ярким тому примером. Историк и культуролог Льюис Мамфорд (Lewis Mumford) в книге `Техника и цивилизация` (Technics and Civilization) описал как часы `отделили время от событий человеческой жизни и породили веру в независимый мир математически измеряемых последовательных действий`. `Абстрактная среда временных отрезков` стала `контрольной точкой и для действий, и для мыслей`.

Равномерное тиканье часов помогло зародиться научному мышлению и человеку науки. Но оно же чего-то нас лишило. Как заметил в вышедшей в 1976 книге `Возможности вычислительных машин и человеческий разум: от суждений к вычислениям` (Computer Power and Human Reason: From Judgment to Calculation) профессор Массачусетского технологического института Джозеф Вейценбаум (Joseph Weizenbaum), концепция мира, появившаяся благодаря повсеместному использованию хронометрирующих инструментов, `представляет собой выхолощенный вариант предыдущей концепции, поскольку базируется на отрицании того прямого опыта, который закладывал основу прошлой реальности и воистину был ею`. При принятии решений, когда нам есть, работать, спать, вставать, мы перестали прислушиваться к своим органам чувств и начали повиноваться часам.

Процесс адаптации к новым интеллектуальным технологиям отражается в смене метафор, которые мы используем, чтобы объяснить себе самих себя. Когда появились механические часы, люди говорили, что их мозг работает `как часовой механизм`. Сегодня в эпоху программного обеспечения мы стали думать, что он работает `как компьютер`. Однако неврология говорит нам, что перемены произошли на гораздо более глубоком уровне, чем языковые метафоры. Благодаря гибкости нашего мозга адаптация имеет место и на биологическом уровне.

Влияние Интернета на познавательную способность человека обещает быть особенно глубоким. Британский математик Алан Тьюринг (Alan Turing) в опубликованном в 1936 году труде доказал, что цифровая вычислительная машина, которая в то время существовала только в теории, может быть запрограммирована на выполнение функций любого устройства для обработки информации. И именно это мы и наблюдаем сегодня. Интернет, бесконечно мощная компьютерная система, берет на себя роль большинства интеллектуальных технологий. Он становится нашей картой и нашими часами, нашей печатной прессой и печатной машинкой, нашим калькулятором и телефоном, нашим радиоприемником и телевизором.

Когда Сеть поглощает какое-либо средство информации, она изменяет его по своему образу и подобию. Она наполняет его содержание гиперссылками, мигающей рекламой и другими электронными примочками, и окружает его контент содержанием других поглощенных ею средств информации. Например, сообщение о получении e-мэйла может высветиться в то время, когда мы просматриваем заголовки последних новостей на сайте газеты. В результате наше внимание рассеивается, и концентрация ослабевает.

Влияние Сети не ограничивается рамкой монитора. Когда умы людей настраиваются на волну сумасшедшей мозаики сетевых СМИ, традиционным средствам массовой информации приходится адаптироваться к новым ожиданиям своей аудитории. В телепрограммах появляется бегущая строка и всплывающие рекламные блоки, а журналы и газеты сокращают объем своих статей, публикуют их краткое содержание и забивают свои страницы фрагментами информации, удобными для беглого просмотра. Когда в марте с.г. New York Times решила отвести вторую и третью страницу каждого выпуска под краткое изложение статей, дизайн-директор газеты Том Бодкин (Tom Bodkin) пояснил, что эти `выжимки` позволят замотанным читателям быстро вкусить новости дня, не прибегая к `менее эффективному` способу - листать страницы и читать статьи. У традиционных СМИ практически нет другого выбора, кроме как играть по правилам новых СМИ.

Никогда еще система передачи информации не играла такое множество ролей в нашей жизни - или не оказывала такое широкое влияние на наши мысли - как сегодня это делает Интернет. Да-да, несмотря на то, что о Сети писалось немало, очень мало кто рассматривал вопрос, каким же именно образом она нас перепрограммирует. Интеллектуальная этика Сети остается пока неясной.

Приблизительно в то же время, когда Ницше начал использовать печатную машинку, серьезный молодой человек по имени Фредерик Уинслоу Тейлор (Frederick Winslow Taylor) принес на сталелитейный завод Midvale в Филадельфии секундомер и начал знаменательную серию экспериментов, нацеленных на повышение эффективности труда заводских рабочих. С одобрения владельцев завода Тейлор отобрал для эксперимента группу заводчан, расставил их за различное металлообрабатывающее оборудование и стал хронометрировать каждое их движение, а также операции станков. Разбив каждую заданную работу на череду мельчайших шагов, а затем, протестировав различные способы их выполнения, Тейлор создал свод точных правил - `алгоритм`, как мы сказали бы сегодня, - определяющий как каждый работник должен работать. Рабочие завода Midvale роптали против новой жесткой организации труда, утверждая, что из-за нее они стали мало чем отличаться от автоматов, зато производительность на заводе резко повысилась.

Более чем столетие спустя после изобретения парового двигателя, промышленная революция наконец-то обрела свою философию и своего философа. Хорошо отлаженную промышленную `хореографию` Тейлора - его `систему`, как он любил это называть - взяли на вооружение предприниматели всей страны, а, со временем, и всего мира. Фабриканты в поисках максимальной скорости, максимальной эффективности и максимальной выработки использовали исследования соотношения времени и движений для организации работы предприятий и конфигурации производственных задач для рабочих. Цель, как обозначил ее в 1911 году Тейлор в знаменитом трактате `Принципы научного управления` (The Principles of Scientific Management), заключалась в том, чтобы определить и применить для каждого задания `единственный наилучший метод` его выполнения и таким образом `постепенно во всем механическом искусстве заменить науку практикой`. Как только его система будет внедрена для всех видов работ, заверил Тейлор своих последователей, это приведет к реструктуризации не только промышленности, но и общества, и будет создана утопия идеальной эффективности. `В прошлом на первое место ставился человек, - заявил Тейлор. - В будущем приоритет должен отдаваться системе`.

Система Тейлора до сих пор с нами, она остается этикой промышленного производства. А теперь, благодаря возрастающему влиянию, которое компьютерные инженеры и создатели программного обеспечения оказывают на нашу интеллектуальную жизнь, этика Тейлора начинает верховенствовать и в умственной сфере. Интернет - это механизм, созданный для эффективного и автоматического сбора и передачи информации, а также манипуляции ею. И легионы программистов трудятся не покладая рук, чтобы найти `единственный наилучший метод` - безупречный алгоритм - выполнения каждой ментальной операции в процессе, который мы называем умственным трудом.

Штаб-квартира Google в Маунтин Вью, штат Калифорния - Googleplex - Высокая церковь Интернета, а тейлоризм - религия, отправляемая в ее стенах. Как говорит глава компании Эрик Шмидт (Eric Schmidt), Google - `компания, созданная вокруг науки об измерениях`, и она стремится `систематизировать` все, что делает. Согласно журналу Harvard Business Review, Google, имея в своем распоряжении терабайты данных о поведении пользователей, собранные с помощью своей поисковой системы и других сайтов, ежедневно проводит тысячи экспериментов и использует их результаты, чтобы отточить алгоритмы, которые все сильнее контролируют то, как люди находят информацию и извлекают из нее смысл. То, что Тейлор сделал для ручного труда, Google делает для труда умственного.

Компания заявила, что ее миссия состоит в том, чтобы `организовать мировую информацию и сделать ее универсально доступной и полезной`. Google хочет разработать `совершенный поисковый движок`, который компания определяет как систему, которая `точно понимает, что Вам нужно и предлагает Вам именно это`.

Google рассматривает информацию как некий предмет потребления, утилитарный ресурс, который можно разрабатывать и эксплуатировать с производственной эффективностью. Чем больше информационных единиц нам доступно, и чем быстрее мы сможем ухватить их суть, тем более продуктивными мыслителями мы становимся.

Где же предел? Сергей Брин и Ларри Пейдж, одаренные молодые люди, которые основали Google во время обучения в докторантуре на факультете вычислительной техники Стэнфордского университета, часто говорят о том, что хотели бы превратить свой поисковик в искусственный интеллект, машину, подобную ХЭЛу, которую можно будет подсоединять напрямую к их мозгу. «Идеальный поисковик - это нечто, не уступающее в уме людям - или даже умнее», - сказал Пейдж в одном из выступлений несколько лет назад. - Для нас работа над поиском означает работу над искусственным интеллектом». Брин в интервью Newsweek, которое он дал в 2004 году, заявил: «Безусловно, для всех было бы лучше, если бы вся информация мира была напрямую подсоединена к Вашему мозгу, или искусственному мозгу, который был бы мощнее Вашего». В прошлом году Пейдж сказал на научной конференции, что Google «действительно пытается создать искусственный интеллект, причем хочет сделать это с размахом».

Для парочки вундеркиндов-математиков, распоряжающихся немалыми деньгами и небольшой армией компьютерщиков, подобные амбиции вполне естественны и даже похвальны. Google, будучи в основе своей научным предприятием, движим стремлением использовать технологию, говоря словами Эрика Шмидта, «решать проблемы, которые до сих пор никто не решал», и искусственный интеллект является в данном случае самым крепким орешком. Так почему бы Брину и Пейджу не захотеть расколоть его?

Однако их поспешное предположение, что всем нам будет только лучше, если наш мозг будет усилен - или даже заменен - искусственным интеллектом, вызывает беспокойство. Оно говорит о вере в то, что ум - продукт механического процесса, состоящий из последовательности мельчайших действий, которые можно выделить, измерить и оптимизировать. В мире Google, том мире, куда мы попадаем, как только входим в Интернет, практически нет места неопределенности созерцания. Неоднозначность - это не путь к озарению, а ошибка в программе, которую нужно исправить. Человеческий мозг - не что иное, как устаревший компьютер, которому нужен процессор побыстрее и жесткий диск побольше.

Идея, что наш мозг должен работать как высокоскоростная машина по обработке данных не только является неотъемлемой частью работы Интернета, но и господствующей бизнес-моделью Сети. Чем быстрее мы путешествуем по Всемирной паутине - чем чаще кликаем на гиперссылки и чем больше страниц просматриваем, - тем больше возможностей появляется у Google и других компаний собрать информацию о нас и накормить нас рекламой. Большинство владельцев коммерческих Интернет-сайтов финансово заинтересованы в сборе крупиц информации, которые мы оставляем после себя, перескакивая со ссылки на ссылку - чем больше таких крупиц, тем лучше. Этим компаниям совсем не нужно поощрять нас читать в свое удовольствие или неспешно вдумчиво размышлять. Развивать в нас рассеянное внимание - вот в чем состоит их экономический интерес.

Возможно, я просто мнительный. Ведь параллельно с прославлением технологического прогресса существует и обратная тенденция - ожидать наихудшего от каждого нового инструмента или машины. В диалоге Платона «Федр» Сократ сожалеет о развитии письменности. Он опасается, что люди станут доверяться письму, заменяя им знание, и, в конечном итоге, говоря словами одного из героев диалога, «в души научившихся им письма вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память». И поскольку люди «будут многое знать понаслышке, без обучения, они будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами». Они «станут мнимомудрыми вместо мудрых». Сократ оказался прав - новая технология часто приводила к последствиям, которых он опасался - однако он проявил недалекость. Сократ не смог предвидеть всех тех путей, какими письмо и чтение будут распространять информацию, стимулировать рождение новых идей и расширять человеческое знание (а, может быть, даже и мудрость).

Появление в XV веке печатного станка Гуттенберга вызвало очередной виток дурных предчувствий. Итальянский гуманист Иеронимо Скуарчафико (Hieronimo Squarciafico) беспокоился, что, книги станут легкодоступными, и это приведет к умственной лени, люди будут «менее охочими до знаний», их умственные способности ослабнут. Другие утверждали, что дешевые печатные книги и информационные листовки подорвут авторитет Церкви, принизят работу ученых и писцов, будут сеять крамолу и подстрекать к распутству. Как отмечал профессор Нью-Йоркского университета Клей Ширки (Clay Shirky), «большинство аргументов, приводившихся против печатного станка, были справедливыми, даже пророческими». Но, опять же, те, кто прочли несчастья, даже представить себе не могли, сколько благ принесет человечеству печатное слово.

Поэтому, Вам, несомненно, стоит скептически отнестись к моему скептицизму. Возможно те, кто не приемлет критиков Интернета, почитая их за луддитов или ностальгирующих, окажутся правы, и наш гиперактивный забитый информацией разум породит золотой век интеллектуальных открытий и всеобщей мудрости. Опять же Сеть - не алфавит, и хотя она может служить заменой печатному станку, на выходе получается совсем другой продукт. Углубленное чтение, которое развивается в ходе усваивания череды страниц, ценно не только из-за приобретаемого нами из слов автора знания, но и интеллектуальных вибраций, которые эти слова порождают в нашем мозгу. В минуты покоя, которые возникают во время продолжительного и ничем не прерываемого чтения книги - как и в ходе любого глубокого раздумья, если уж на то пошло,- мы создаем свои собственные ассоциации, приходим к своим умозаключениям и аналогиям, вынашиваем собственные идеи. Углубленное чтение, как утверждает Марианн Вульф, неотличимо от глубокого размышления.

Если мы утратим эти минуты покоя, или наполним их `контентом`, мы пожертвуем очень важной частью, не только самих себя, но и нашей культуры. В своем недавнем эссе драматург Ричард Формэн (Richard Foreman) красноречиво описал, что стоит на кону:

Я воспитан в традициях западной культуры, где идеалом (моим идеалом) была сложная, плотная и `собороподобная` структура высокообразованной и сложившейся личности - мужчины или женщины, носителей ими лично созданной и уникальной версии всего наследия Запада. Однако теперь я наблюдаю, как в нас (в том числе и во мне самом) на место сложной плотной внутренней структуры приходит новый тип личности - развивающейся под давлением переизбытка информации и технологии `мгновенной доступности`. И по мере того, как иссякает наш `внутренний запас богатого культурного наследия`, пишет в заключении Формэн, мы рискуем превратиться в `людей-блинов` - широко раскинувшихся и тонких, подключающихся к необъятной сети информации, доступ к которой можно получить одним нажатием клавиши.

Мне не дает покоя эта сцена из `Космической одиссеи 2001 года`. Она производит столь берущее за душу и жутковатое впечатление именно благодаря эмоциональной реакции компьютера на расчленение его мозга: отчаяние ХЭЛа, нарастающее по мере того, как гаснут его схемы, то, как он по-детски трогательно умоляет астронавта: `Я его не чувствую. Я его не чувствую. Я боюсь`. И его окончательный возврат к тому, что нельзя назвать иначе, как состоянием невинности. Бьющие через край эмоции ХЭЛа являют сильный контраст с бесчувственностью человеческих персонажей фильма, которые выполняют свою работу с роботоподобной эффективностью. Они действуют и мыслят как будто по заранее написанному сценарию, как если бы они следовали заданному алгоритму. В мире `Космической одиссеи 2001 года` люди стали так походить на машины, что самым человечным персонажем в конечном итоге оказывается компьютер. В этом суть мрачного пророчества Кубрика: когда мы начинаем полагаться на компьютеры как на средство познания мира, наш собственный разум уплощается до размеров искусственного интеллекта.

Николас Карп
"The Atlantic Monthly", США

Автор: Артур Скальский © inoCMI.Ru ИНТЕРНЕТ И ИТ, МИР 👁 3338 17.02.2009, 15:13

URL: <https://babr24.com/?ADE=50947> Bytes: 27674 / 27655 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)